

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт языка и литературы
Кафедра истории русской литературы и теории литературы

Т. В. Зверева

**Роман М. Ю. Лермонтова
«Герой нашего времени»**

Рабочая тетрадь

Ижевск

2025

УДК 821.161.1-31"18"(075.8)
ББК 83.3(2=411.2)5-8,4я73-5
З-433

Рекомендовано к изданию учебно-методическим советом УдГУ

Рецензент: д-р фил. наук, зав. каф. удмуртской литературы и литературы народов России
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» **Т. И. Зайцева**

*В оформлении титульного листа использована иллюстрация к «Герою нашего времени»
художника Павла Львовича Бунина*

Зверева Т. В.

З-433 Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» : рабочая тетрадь / Т.В. Зверева. – Ижевск : Удмуртский университет, 2025. – 49 с. – Текст : электронный.

Рабочая тетрадь представляет собой систему заданий, ориентированных на изучение поэтики романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» как важнейшего текста отечественной словесности первой половины XIX века. Задания носят разнонаправленный характер, их выполнение способствует формированию основных профессиональных компетенций.

Предназначено для самостоятельной работы студентов, изучающих курсы «История русской литературы» (направление «Отечественная филология» и «Прикладная филология» – 45.03.01) и «Теория литературы и история русской литературы» (направление «Библиотечно-информационная деятельность» – 51.03.06).

УДК 821.161.1-31"18"(075.8)
ББК 83.3(2=411.2)5-8,4я73-5

© Зверева Т.В., 2025
© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» — одно из вершинных произведений русской словесности XIX столетия. Завершая романтический этап, «Герой нашего времени» одновременно завершал и классический период литературы. Необычность романа связана в первую очередь с тем, что Лермонтов изменяет представления читателя о фабуле и сюжете. Нарушение последовательности событий и авторская игра со временем привели к созданию принципиально новой смысловой структуры. Предметом изображения становится не биография героя и даже не череда жизненных обстоятельств, в которых герой пребывает. В фокусе авторского зрения находится исключительно внутренний мир персонажа, и в этом аспекте можно говорить о «Герое нашего времени» как первом русском психологическом романе. При этом Лермонтов делает поразительное открытие: человек и его внутренний мир не только не поддаются окончательной оценке, но и вообще не могут быть описаны средствами литературы. Печорин предстает как «незавершенный человек», тайна его личности и его Судьбы так и остается тайной, несмотря на завершение романа.

Лермонтовский роман с момента его выхода породил многочисленные споры, касающиеся оценки главного героя (В. Белинский, Н. Гоголь, А. Толстой, С. Аксаков, С. Шевырев, Н. Чернышевский, Ф. Достоевский и др.). Самая сокрушительная оценка была дана С. Шевыревым: «...Печорин не герой нашего времени <...> если явления, подобные Печорину, типичны для Западной Европы и выражены в произведениях Гете и Байрона, то в России этой болезни нет. Печорин только герой фантазии Лермонтова, в нем нет ничего русского...» (Шевырев С. О герое нашего времени // Москвитянин. 1841. № 2).

Впоследствии, в XX в., спор о герое сменился разговором о художественных особенностях романа. Л. Гинзбург, Б. Эйхенбаум, В. Мануйлов, В. Маркович, Б. Удодов и ряд других блестящих исследователей выявили новаторские принципы текста, вошедшего в канон русской культуры. Однако загадка лермонтовского романа по-прежнему влечет к себе, и уже в XXI вв. появилась череда ученых, которые предложили собственную интерпретацию «Героя нашего времени» (Л. Вольперт, Л. Ходанен, С. Савинков, А. Ранчин и др.). Обращает на себя внимание, что к изучению романа подключилась и западная славистика (В. Шмид, Ж. Силады, А. Оге Ханзен-Лёве, Р. Лауэр и др.).

Именно с этими обстоятельствами связано пристальное изучение романа в составе таких курсов, как «История русской литературы», «История отечественной литературы», «Теория литературы и история русской литературы». Выполнение заданий, представленных в данном учебно-методическом пособии, позволит студентам не только глубже понять роман, но и сформировать критическое мышление. Учебно-методическое пособие содержит в себе разноплановые задания, формирующие у студентов такие необходимые навыки, как поиск и реферирование научной литературы, анализ художественного текста, решение аналитических и творческих задач.

Прочитайте следующую научную статью и дайте развернутые ответы на вопросы, расположенные ниже.

С. В. Савинков, Е. В. Соколова

ЧЕЛОВЕК БЕЗ БИОГРАФИИ: ЛИНИЯ ЖИЗНИ ГРИГОРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ПЕЧОРИНА

В свое время еще В. И. Левин обратил внимание на то, что печоринские монологи весьма противоречивы. Одним герой говорит одно, а другим или самому себе может сказать прямо противоположное: каждый раз он как бы заново и по-новому выстраивает свою биографию. В результате Печорин не дает возможности свести в отношении себя концы с концами ни жертвам своих обманных словесных манипуляций (по ловкости, видимо, не уступающих фокуснику Апфельбауму), ни многоопытным критикам и литературоведам.

Одну из попыток найти объяснение такой печоринской «лживости» читатель найдет в статье Вольфа Шмида [«О новаторстве лермонтовского психологизма»], подошедшего к решению этой задачи не столько со стороны строения личности героя, сколько со стороны исторической нарратологии <...>. С точки зрения ученого, не вмещающаяся в «одном человеческом сознании» противоречивость Печорина во многом объясняется тем, что роман Лермонтова еще не наделен той нарративной структурой, с помощью которой реалистическая литература будет выражать психологическое состояние персонажа. <...> Поэтому герой не живет, а играет, меняя роли и маски и — в духе романтического нигилизма — подменяя этику эстетикой: «такая игра — самая постоянная черта Печорина».

Интересную попытку объяснения отсутствия у Печорина единой, связной и непротиворечивой биографии предпринял Мирослав Дрозда [«Повествовательная структура “Героя нашего времени”»], посмотрев на это странное явление с точки зрения не менее странной повествовательной структуры романа. М. Дрозда попытался найти содержательное объяснение такой структуре. Прежде всего он увидел в сюжете романа не только цепь событий, но и «определенный смысл, заключающийся в соотношении происходящего с системой жизненных норм, действующих для рассказчика или для слушателя, соответственно». Дело в том, что одно и то же событие может обретать разный смысл в зависимости от того, с чьей точки зрения оно увидено и рассказано. И дело в том, что, как правило, на события смотрят сквозь как бы уже определенную, заранее заданную призму. Максим Максимыч смотрит на историю Бэлы сквозь призму, заданную его кругозором, а странствующий офицер — своего, и видят они, соответственно, разные истории с разными главными персонажами. Если для Максим Максимыча это история о Печорине как о представителе «необъяснимой чуждой силы», которая вторгается в тот мир, которому принадлежит Бэла (и который вполне обычен и понятен штабс-капитану), то для путешественника эта история о кровавой мести в ореоле кавказской экзотики (дикими обычаями, кровной мстостью и т. д.), привлекательной, но чуждой его культуре, и поэтому на первом плане его истории у него оказывается не Печорин, а экзотичный Казбич. <...> Сама же реальность построена

по-другому, и это другое всё время демонстрирует противоречащие шаблонным взглядам героев факты, показывая тем самым их неполную компетентность по отношению к предмету повествования. В результате возникает впечатление произвольности, впечатление, что роман возникает как бы помимо авторского замысла, как бы по воле самой реальности: «общим принципом является противоречие между горизонтом рассказчика и пространством “реальности”, т. е. между закрепленным в сознании рассказчика миропорядком и внесистемными фактами, которые попадают в его поле зрения, принимают участие в действии и формируют его в известном расхождении с ожиданием повествователя». Совпадение реальности и взгляда на эту реальность могло бы стать основой для обретения героем «связной последовательной деятельной биографии», которой как раз у Печорина нет. Повествовательная структура «Героя нашего времени», как полагает М. Дрозда, в конечном счете и нацелена на то, чтобы четко обозначить противоречие между необходимостью и невозможностью такой биографии для героя, жизнь которого «протекает в несоединимо контрастирующих пространствах, на полюсах бездеятельного наблюдательства и смертельно азартного поступка».

Несколько иной подход к вопросу о биографии Печорина находим у Н. Д. Тмарченко [«Русский классический роман XIX века. Проблемы поэтики и типологии жанра»]. Н. Д. Тмарченко заметил, что отсутствие сюжетных связей между разными печоринскими историями (фактор, отрицающий возможность биографии) «выражается еще и в том, что в каждой из них у героя особое прошлое, соответствующее особому настоящему. Так, если отношения Печорина с Бэлой выглядят попыткой разочарованного героя обрести гармонию с миром в любви, то ее неудача подготовлена цепью аналогичных попыток и неудач в прошлом. В “Княжне Мери” отношения Печорина с женщинами строятся в настоящем совершенно иначе — на стремлении полностью подчинить другого человека своей воле. И этому настоящему соответствует совсем иное прошлое, в частности, роман с Верой». Если предпринять попытку подойти к изучению вопроса о печоринской биографии (а точнее, о ее отсутствии) изнутри лермонтовского мира, то, безусловно, особого истолкования потребуют три вещи: странная особенность печоринского устройства (на которую герой времени указал в своем дневнике: «...я глупо создан: ничего не забываю, ничего», а также — его фатальная зависимость от прошедшего и таинственная способность к визионерству.

Пожалуй, наиболее яркое (и наиболее, с точки зрения смысла, «темное») высказывание о визионерской способности Печорина принадлежит А. М. Евлахову [«Надорванная душа (к апологии Печорина)»]: «Он [Печорин] наперед уже знает всё то, что с ним случится, ибо душа его, непосредственно общаясь со стихией, которой составляет часть, проникает по ту сторону вещественной действительности. У него тысячи духовных глаз, и этими глазами он проникает через завесу Неизвестного». И далее: «Он не только сохраняет неразрывную связь со своим прошедшим, которое для него никогда не перестает существовать, но имеет какую-то странную власть над своим будущим».

Попробуем разобраться в существе дела. В журнале от 13 мая Печорин напишет: «Мои предчувствия меня никогда не обманывали». И это действительно так: *предчувствия* «героя времени» никогда не обманывают. Печорин заранее «знает» и о том, что торжествовать Грушницкому в любовных делах придется недолго, и о том, что ему непременно суждено будет с ним встретиться на узкой тропинке. Предчувствие не обманывает Печорина и в любовных делах: знакомясь с женщиной, он всегда безошибочно отгадывает, будет

она любить его или нет. Например, о том, что обрисованная доктором Вернером женщина — Вера, Печорин догадывается сразу, и сам поражается своей в этом уверенности: «Зачем она здесь? И она ли? И почему я думаю, что это она? И почему я даже так в этом уверен? Мало ли женщин с родинками на щеках?». Но не только предчувствием обладает герой: есть еще одно слово с приставкой — «пред», которое имеет к нему непосредственное отношение. Это слово «предубеждение» («Я часто склонен к предубеждениям»). Печоринские сентенции (в духе максим Ларошфуко) о невозможности истинной дружбы и постоянства в любви формулируют его стойкие предубеждения («...Я к дружбе неспособен. Из двух друзей всегда один раб другого...» и др.). Однако вернемся к дневниковой записи от 13 мая, у которой есть продолжение. За размышлением о необманиваемых предчувствиях последует другое: Печорин станет говорить о власти над собой прошедшего. «Нет в мире человека, над которым прошедшее приобретало бы такую власть, как надо мной: всякое напоминание о минувшей печали или радости болезненно ударяет мне в душу и извлекает из нее все те же звуки; я глупо создан: ничего не забываю, ничего». «Предчувствия» и «власть прошедшего», соединяясь между собой в одном синтагматическом ряду, оказываются таким образом и в одном семантическом поле.

Давно уже было замечено, что между лермонтовскими героями есть несомненная «генетическая» связь, что, по сути, в разных произведениях мы имеем дело не с разными персонажами, а с одним и тем же, но представленным в разные периоды своей жизни. Причем, оказываясь в пространстве другого произведения и, соответственно, — на новом этапе, герой как бы сохраняет в себе память о своем былом состоянии, подобно тому, как каждое последующее звено в развитии природы или человека (если провести аналогию с популярными в 30-е годы гердеровско-шеллингианскими идеями) повторяет («помнит») все предыдущие. К примеру, прошлое, от которого Евгений Александрович Арбенин захочет освободиться, всё же удержит его в своей власти: оно подозрением в обмане как бы напомнит ему о губительной участи его предшественника и однофамильца (в определенном смысле — его самого), преданного и любимой, и другом. Тем не менее в этом герое до определенного момента еще живет (тоже, видимо, переданная ему по наследству от Владимира Арбенина) детская вера в возможность обновления: она и позволяет ему, пусть и на короткое время, забыться и отдаться надежде. Даже в Демоне еще живет способность забываться. А вот у Александра, одного из «двух братьев» (от которого многое передается «герою времени» — Печорину), такой возможности уже нет: «Отчего я никогда не могу забыться? Отчего я читаю в душе своей, как в открытой книге? Отчего чувства у меня так мертвы? Отчего в самую решительную минуту моей жизни сердце мое неподвижно, ум свеж, голова холодна...».

В «Фаталисте» Печорин произнесет фразу, которая при внимательном ее прочтении обнаруживает парадоксальную двусмысленность: «...я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает». Что значит, «когда не знаю»? Выходит, можно идти вперед и зная, что тебя ожидает? Не этим ли «когда не знаю» определяется печоринская установка идти вперед не оглядываясь: «Надо только не смотреть, а идти прямо; — мало-помалу чудища исчезают... зато беда, если на первых шагах сердце дрогнет и обернешься назад» (слова, произнесенные доктором Вернером по другому поводу, но имеющие прямое отношение и к судьбе Печорина). Близкие мотивы звучат и в лермонтовской лирике («И, полный чувствами живыми, / Страшуся поглядеть назад, — /

Чтоб бытия земного звуки / Не замешались в песнь мою, / Чтоб лучшей жизни на краю / Не вспомнил я людей и муки...»).

Обернуться назад и означает узнать, «вспомнить» о том, *что* тебя ожидает. Но и безоглядное движение героя вперед так или иначе сопровождается имеющими таинственную связь с его памятью о прошлом предчувствиями. И хотя дар предчувствия принадлежит не только Печорину (им обладает, к примеру, и Владимир Арбенин: «Я чувствую присутствие сверхъестественной силы, и неизвестный голос шепчет мне: “Не старайся избежать судьбы своей! Так должно быть!”», он единственный среди других лермонтовских персонажей герой, который «провидит» свое будущее в прошлом и, провидя его, старается избежать предвещающей гибель судьбы. (Ср. мотивы раннего стихотворения: «Есть грозный дух: он чужд уму. / Любовь, надежда, скорбь и месть — / Все, все подвержено ему. / Он основал жилище там, / Где можем память сохранять. / И предвещает гибель нам, / Когда уж поздно избегать»). И это «знание-предчувствие», по всей видимости, и обуславливает логику выстраиваемого «от противного» антигеройского поведения Печорина: чтобы не томиться по родине, лучше ее не иметь; чтобы не разочароваться в любимой, лучше никого не любить; чтобы не быть обманутым, лучше обманывать самому; чтобы не испытать горечь разлуки, лучше и не встречаться. Но оно же, знание-предчувствие, ограничивает его жизненный горизонт, его свободу и, в конечном счете, возможность быть включенным в действительную жизнь и обрести собственную биографию. Пытаясь изменить уготованную ему судьбу, герой тем не менее выстраивает свое «антиповедение», ориентируясь в настоящем времени на запечатленный в его памяти «ландшафт» давно известной ему «книги». А между тем реальное изменение в его бытии могло бы наступить в том случае, если бы герой нашел в себе силы на то, чтобы признать, что действительная жизнь может располагать совсем иными возможными конфигурациями. Что ни говори, а Печорина ожидает не смерть, согласно предсказанию, от «злой жены», а совсем иной финал.

Впервые опубликовано в «Вестнике Воронежского государственного университета», серия «Филология. Журналистика» (2017. № 1. С. 49–52.)

- 1. Какие научные исследования о романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» привлекаются в данной статье? Перечислите их авторов и приведите названия. Найдите выходные данные этих исследований и запишите их.**
- 2. Выпишите высказывания Печорина о «предчувствиях» и «власти прошедшего». Как, по мнению авторов научной статьи, восприятие прошлого и будущего влияет на героя?**
- 3. Как вы думаете, почему у Печорина нет предыстории (биографии)? Предложите свой ответ.**

Прочитайте статью и ответьте на вопросы, размещенные ниже.

А. М. Ранчин

«ЧЁРСТВЫЙ» ПЕЧОРИН: ОБ ОДНОМ ЭПИЗОДЕ И ОБ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В РОМАНЕ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Эпизод из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», о котором пойдет речь, находится в главе-повести «Максим Максимыч». Это встреча Печорина со штабс-капитаном — бывшим добрым знакомым. Эпизод запоминающийся, в частности, благодаря тому, что поведение центрального персонажа получает выразительную характеристику — оценку со стороны повествователя, обыкновенно именуемого «странствующим офицером», причем эта оценка, как правило, признается не только субъективной точкой зрения повествователя, но и одной из граней авторской позиции. Представляется, однако, что в действительности всё обстоит намного сложнее.

Вчитаемся еще раз в описание краткой встречи и в изложение мыслей «странствующего офицера» по ее поводу: Максим Максимыч «хотел кинуться на шею Печорину, но тот довольно холодно, хотя с приветливой улыбкой протянул ему руку. Штабс-капитан на минуту остолбенел, но потом жадно схватил его руку обеими руками: он еще не мог говорить.

— Как я рад, дорогой Максим Максимыч. Ну, как вы поживаете? — сказал Печорин.

— А... ты... а вы?... — пробормотал со слезами на глазах старик... — сколько лет... сколько дней... да куда это?..

— Еду в Персию — и дальше...

— Неужто сейчас?.. Да подождите, дражайший!.. Неужто сейчас расстанемся?.. Столько времени не видались...

— Мне пора, Максим Максимыч, — был ответ.

— Боже мой, боже мой! да куда это так спешите?..

Мне столько бы хотелось вам сказать... столько расспросить... Ну что? в отставке?.. как?.. что подельывали?..

— Скучал! — отвечал Печорин, улыбаясь.

— А помните наше житье-бытье в крепости?.. Славная страна для охоты!.. Ведь вы были страстный охотник стрелять... А Бэла?..

Печорин чуть-чуть побледнел и отвернулся...

— Да, помню! — сказал он, почти тотчас принужденно зевнув...

Максим Максимыч стал его упрощивать остаться с ним еще часа два. «Мы славно пообедаем, — говорил он: — у меня есть два фазана, а кахетинское здесь прекрасное... разумеется, не то, что в Грузии, однако лучшего сорта... Мы поговорим... вы мне расскажете про свое житье в Петербурге... А?..»

— Право, мне нечего рассказывать, дорогой Максим Максимыч... Однако прощайте, мне пора... я спешу... Благодарю, что не забыли... — прибавил он, взяв его за руку.

Старик нахмурил брови... Он был печален и сердит, хотя старался скрыть это. «Забыть! — проворчал он: — я-то не забыл ничего... Ну, да бог с вами!.. Не так я думал с вами встретиться...»

— Ну полно, полно! — сказал Печорин, обняв его дружески: — неужели я не тот же?.. Что делать?.. всякому своя дорога... Удастся ли еще встретиться — бог знает!.. — Говоря это, он уже сидел в коляске, и ямщик уже начал подбирать вожжи».

Повествователь, выступая в роли «сочувственника» жестоко разочарованного и обиженного штабс-капитана, резюмирует: «Грустно видеть, когда юноша теряет лучшие свои надежды и мечты, когда пред ним отдергивается розовый флер, сквозь который он смотрел на дела и чувства человеческие, хотя есть надежда, что он заменит старые заблуждения новыми, не менее проходящими, но зато не менее сладкими... Но чем их заменить в лета Максима Максимыча? Поневоле сердце очерствеет и душа закроется...».

Мнение об этой сцене как о «суде» над Печориным давно высказала такая тонкая исследовательница, как Л. Я. Гинзбург, признавая, впрочем, что все трое участников события — главный герой, Максим Максимыч и повествователь — демонстрируют в ней неспособность понять другого: «“Давно уже не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колес по кремнистой дороге, а бедный старик еще стоял на том же месте в глубокой задумчивости”. — Это суд над Печориным. Но в этой сцене все три действующих лица показаны в своем непонимании смысла происходящего. Печорин показан в ограниченности и ослеплении эгоцентризма. Максим Максимыч — в ограниченности своих бытовых понятий, в силу которой он поведение Печорина может объяснить только светским фатовством: “Где нам, необразованным старикам, за вами гоняться!.. Вы молодежь светская, гордая: еще пока здесь под черкесскими пулями, так вы туда-сюда... а после встретитесь, так стыдитесь и руку протянуть нашему брату...”. Рассказчик в этой сцене для того и существует, чтобы не понимать Печорина: “Добрый Максим Максимыч сделался упрямым, сварливым штабс-капитаном. И отчего? Оттого, что Печорин, в *рассеянности или от другой причины*, протянул ему руку, когда тот хотел кинуться ему на шею”. “Причину”, по которой Печорин холодно протянул руку старому штабс-капитану, может объяснить только автор, хотя прямая авторская речь ни разу не звучит в романе. Он объясняет это совокупностью произведения, вмещающего и Максима Максимыча со всей узостью и чистотой его понятий и Печорина, запутавшегося в собственной иронии».

Безусловно приняла оценку холодности Печорина как истинную Е. Н. Михайлова: «Конфликт рождается в случайной дорожной встрече Максима Максимыча и Печорина. Нет надобности пересказывать весь этот трогательный, безжалостный и щемящий душу эпизод встречи. Кто не помнит бедного старика с его восторженным ожиданием и горделивой уверенностью, что Печорин “сейчас прибежит”, как только узнает о его присутствии, его терпеливое игнорирование холуйской презрительности печоринского лакея, его жертвование в первый раз в жизни служебными делами ради собственной надобности, затем его беспокойные подозрения, душевную удрученность, бессонницу и, наконец, после длинных проволочек, в последнюю минуту, долгожданное свидание... и грубый, незаслуженно-обидный удар по его лучшим человеческим чувствам. Но в чем смысл этого эпизода? Кого в нем обвиняет и кого оправдывает Лермонтов? С Максимом Максимычем он или с Печориным?».

Для Е. Н. Михайловой истинный ответ не составляет проблемы: «Интонация лермонтовского повествования не оставляет сомнений, — она вся пронизана глубоким состраданием к оскорбленным человеческим чувствам Максима Максимыча. Всем распределением красок в новелле Лермонтов подчеркивает правду, красоту, человечность переживаний Максима Максимыча

и оскорбительную, возмущающую сердце несправедливость нанесенных ему обид. Тема разработана в аспекте гуманистического сострадания к обиженному “маленькому” простому человеку в духе пушкинской (“Станционный смотритель”) и особенно гоголевской традиции. Несмотря на близость к Пушкину объективно повествовательной, спокойной и простой манеры, Лермонтов в изображении попорченной человечности больше использует гоголевские традиции. От Гоголя идет терзающая острота антитез, безжалостное подчеркивание жестоких “истязующих” моментов. Эти “жестокие” контрасты не оставляют места сомнениям: в эпизоде дорожной встречи Лермонтов на стороне Максима Максимыча и против Печорина».

Вина Печорина подробно изъясняется: «В чем же виноват Печорин? Если Максим Максимыч весь обращен к другому человеку, весь раскрыт ему навстречу, то Печорин — весь замкнут в себе и не жертвует для другого ничем, даже самым малым. Наоборот, у него не дрогнет рука принести в жертву своему спокойствию душу другого. Лермонтов разоблачает в Печорине эгоцентризм, который всё соотносит с “я”, всё подчиняет этому “я”, оставаясь безучастным к тому, как его поведение отразится на другом человеке. Дело даже не в том, что Печорин не принес для Максима Максимыча столь малую “жертву”, как небольшая задержка в пути ради маленького праздника с фазаном и кахетинским, чтобы побаловать старого ребенка. Дело в том, что он не почувствовал всей высоты и чистоты человеческого обаяния старого штабс-капитана, не ощутил человечески большого содержания его чувств настолько, чтобы свободно, без “жертв” и насилия над собою ответить на эти чувства. Печорин настолько замкнут в себе, что теряет способность, забыв о себе, проникнуться хотя бы ненадолго волнением, тревогами, запросами души другого человека. В маленьком эпизоде дорожной встречи прав не умный и волевой Печорин, с его эгоистической сосредоточенностью на самом себе, но простодушный, ограниченный капитан, умеющий так бескорыстно и беззаветно привязываться к другому человеку. Так, в “Герое нашего времени” впервые при столкновении выдающейся личности с человеком обыкновенным правым оказывается этот последний. Критика эгоизма Печорина, осязаемая еще в “Бэле”, здесь выступает отчетливо и глубоко: там от Печорина требовалось жертвовать правдой и свободой чувства, — здесь “жертва” не обязывала ни к какой утрате духовной самостоятельности и все-таки принесена не была.

Однако Печорин и по своим личным качествам, и по своему мировоззрению представляет более высокий тип и уровень развития. Он, а не Максим Максимыч, — лермонтовский герой (хотя и “нуждающийся в поправках”); его, а не Максима Максимыча, противопоставляет Лермонтов мелкому и пошлomu обществу. В выборе между двумя типами мироотношения: активным — Печорина или пассивным — Максима Максимыча, сознательным или стихийным, протестующим и критическим или покорным и всеприемлющим, Лермонтов на стороне Печорина. Критикуя индивидуализм, Лермонтов не отвергает утверждения личного начала, которое несет с собою Печорин».

Интересно, тем не менее, что исследовательница далее указывает на обстоятельства, поведение Печорина почти что извиняющие. В частности, это бестактное напоминание Максима Максимыча о Бэле, гибель которой главный герой пережил очень тяжело и от вины в ее смерти едва ли избавился: «Встреча Максима Максимыча и Печорина у Лермонтова — это не только конфликт воплощенной доброты и человечности с эгоцентризмом и жестокостью. Лермонтов видит в ней и безвыходность положения личности незаурядной и сложной, одержимой неизлечимым внутренним недугом, которая

подвергается атакам со стороны человека, стоящего в развитии несравненно ниже. Внешняя холодноватая приветливость Печорина и его уклончивость по существу как от прямолинейно-навязчивых вопросов Максима Максимыча, так и от продления свиданья, — это стоическая выдержка человека, делающего хорошую мину при плохой игре, человека, к тайной ране которого поминутно бесцеремонно прикасается милейшее, простодушнейшее, но совершенно ограниченное существо. На бестактные вопросы Максима Максимыча о Бэле (Печорин при этом “чуть-чуть побледнел и отвернулся”), на его расспрашивания о петербургской жизни, о том, “что подельывал” Печорин, последний совершенно бессилён ответить. Если вспомнить примитивность мышления Максима Максимыча, объясняющего “английскую моду” на разочарование тем, что все англичане — пьяницы, можно представить себе, сколько душевной оскомины и раздражающей боли он мог причинить Печорину своими суждениями, — пусть Печорин действительно в откровенность. Уклончивость Печорина и его быстрый отъезд — это способ (правда, жестокий, которого следовало избежать) как можно скорее ликвидировать мучительно-нелепое положение. Сознание Печориным невозможности для него иного выхода явствует и из утешений им Максима Максимыча, где Григорий Александрович даже пытается проявить некоторое участие: “Ну полно, полно! — сказал Печорин, обняв его дружески: — неужели я не тот же?.. Что делать?.. всякому своя дорога”.

Отсюда следует и еще один вывод: несмотря на нравственную правоту Максима Максимыча, несмотря даже на превосходство его над Печориным в отношении моральном, он настолько далеко отстоит от него по своим понятиям, что требовать от Печорина удовлетворенности обществом Максима Максимыча было бы не возможно».

Истолкование эпизода, принадлежащее Е. Н. Михайловой, повторил У. Р. Фохт, огрубив социальную составляющую этой интерпретации: «При всей привлекательности образа Максима Максимыча, при всем том, что его естественность и простота несомненно импонировали Печорину, его простоватость и наивность, его смирение, полное отсутствие у него какого бы то ни было критицизма к общественной действительности того времени до известной степени объясняют холодное, даже грубое отношение к нему Печорина, невозможность для него внутренней близости с Максимом Максимычем.

Но, с другой стороны, при несомненном превосходстве Печорина над Максимом Максимычем обращение его с этим так расположенным к нему стариком говорит о его полной замкнутости в самом себе, о его эгоизме и даже черствости».

Но в позднейших исследованиях романа эта, полная оговорок и нюансов, интерпретация эпизода развития не получила; восторжествовало мнение, что здесь выявляется лишь эгоизм центрального персонажа — и только. Так, даже И. И. Виноградов, решительно «реабилитирующий» Печорина как личность, пребывающую в напряженных и глубоких философских исканиях, от «плоского» моралистического осуждения, характеризует эпизод совершенно однозначно: «эта возмущающая нравственное чувство сцена прощания Печорина с бывшим товарищем, где Печорин выказывает такое чудовищное бессердечие, такую оскорбительную душевную черствость...». Таким образом, в исследованиях советского времени возобладала точка зрения, впервые высказанная еще в 1840 г. С. О. Бурачком — критиком с репутацией «патентованного реакционера». Как с иронией писал этот рецензент: «Зато как мил и как велик “герой”, стоя рядом с Максимом Максимычем, который принял его в свою

пустыню как друга, ласкал, как брата, ухаживал за ним как отец; а тот? Тому все это было смешно, несносно... Только что не наделял он Максима Максимыча, за любовь его, щелчками по носу... Жаль, что автор не воспользовался этим для полноты трескучих эффектов».

На интерпретацию исследователями сцены встречи Максима Максимыча с Печориным во многом влияет суровая оценка бессердечия главного героя «странствующим офицером». Как правило, его повествование воспринимается и трактуется либо как эхо авторского голоса, либо как совершенно прозрачная линза, позволяющая точно, объективно, без каких-либо малейших искажений рассмотреть реальность. Между тем не только поведение Печорина в эпизоде последней беседы со штабс-капитаном хотя бы отчасти может быть если не оправдано, то понято, но и его оценка «странствующим офицером» совершенно не обязательно отражает авторскую позицию. Мало того — эта оценка даже в пределах кругозора повествователя, возможно, не лишена своего рода иронии. Л. Я. Гинзбург категорически утверждала, что ирония повествовательному пласту, приписанному этому персонажу, абсолютна чужда: «Оба лермонтовских рассказчика совершенно не склонны к иронии, — не только Максим Максимыч, с его простодушием и просторечием, но и скромный “путешествующий офицер”, который ближе к Ивану Петровичу Белкину, чем, скажем, к образу автора в “Сашке”». Однако это неверно. На примеры иронических высказываний, принадлежащих «странствующему офицеру», справедливо указал Б. М. Эйхенбаум. Ирония охватывает самые принципы повествования: «Рассказ о Бэле подан читателю как “путевые записки”, где фигура Максима Максимыча не менее важна и интересна, чем Печорин; автор кончает обещанием рассказать о новой встрече с Максимом Максимычем, как будто именно он, а не Печорин, является настоящим героем романа. Вместо ожидаемых размышлений по поводу рассказа о Печорине и Бэле автор обращается к читателю с неожиданным вопросом: “Сознайтесь, однако ж, что Максим Максимыч человек достойный уважения?”. Читатель, заинтересованный Печориным, менее всего подготовлен к этому вопросу; он даже имел полное право забыть о Максиме Максимыче как о совершенно условном рассказчике. Тем более неожиданной кажется следующая за этим вопросом фраза, превращающая Максима Максимыча в героя всей повести: “Если вы сознаетесь в этом, то я вполне буду вознагражден за свой, может быть, слишком длинный рассказ”. В действительности дело, конечно, все-таки в Печорине, но это обнаруживается только в предисловии к его “Журналу”».

Есть основания утверждать, что ирония «странствующего офицера» распространяется не только на собственную повествовательную стратегию, но вторгается и в сферу оценок. Так, он цинично (наподобие самого Григория Александровича Печорина) относится к чужому счастью. Такое отношение проявляется в диалоге с Максимом Максимычем — штабс-капитан рассказывает историю Печорина и Бэлы:

«— Да, признаюсь, — сказал он потом, теребя усы: — мне стало досадно, что никогда ни одна женщина меня так не любила.

— И продолжительно было их счастье? — спросил я.

— Да, она нам призналась, что с того дня, как увидела Печорина, он часто ей грезился во сне, и что ни один мужчина никогда не производил на нее такого впечатления. Да, они были счастливы!

— Как это скучно! — воскликнул я невольно. В самом деле, я ожидал трагической развязки, и вдруг так неожиданно обмануть мои надежды!.. — Да неужели, — продолжал я, — отец не догадался, что она у вас в крепости?

— То есть, кажется, он подозревал. Спустя несколько дней узнали мы, что старик убит. Вот как это случилось...

Внимание мое пробудилось снова».

Столь же цинично отношение «странствующего офицера» к чужой жизни и смерти — оно определяется исключительно его прагматическими интересами: «Недавно я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер. Это известие меня очень обрадовало: оно давало мне право печатать эти записки, и я воспользовался случаем поставить свое имя над чужим произведением».

Можно возразить: цинизм — не ирония, процитированные высказывания повествователя иронии чужды. Однако это не так. «Странствующий офицер» настолько непосредственно и «бесстыдно» выражает свое отношение к чужому счастью и к смерти другого, что неизбежно возникает подозрение в нарочитом, напускном характере его цинической откровенности. И потому — подозрение, что в глубине своей этот цинизм несерьезный, исполненный самоиронии.

Но более показательны иное высказывание повествователя и мнимого автора — на сей раз относящееся как раз к несчастному Максиму Максимычу, жестоко обиженному черствым Печориным. Штабс-капитан «наскоро выхлебнул чашку, отказался от второй и ушел опять за ворота в каком-то беспокойстве: явно было, что старика огорчало небрежение Печорина, и тем более что он мне недавно говорил о своей с ним дружбе и еще час тому назад был уверен, что он прибежит, как только услышит его имя.

Уже было поздно и темно, когда я снова отворил окно и стал звать Максима Максимыча, говоря, что пора спать; он что-то пробормотал сквозь зубы; я повторил приглашение, — он ничего не отвечал.

Я лег на диван, завернувшись в шинель и оставив свечу на лежанке, скоро задремал и проспал бы покойно, если б, уж очень поздно, Максим Максимыч, взойдя в комнату, не разбудил меня. Он бросил трубку на стол, стал ходить по комнате, шевырять в печи, наконец лег, но долго кашлял, плевал, ворочался...

— Не клопы ли вас кусают? — спросил я.

— Да, клопы... — отвечал он, тяжело вздохнув».

Как ни суди, но чудовищная реплика о клопах стóбит печоринского бессердечия по отношению к «несчастному» Максиму Максимычу. Причем если своему бывшему сослуживцу и приятелю штабс-капитан неуместно напомнил о покойной Бэле, то «странствующего офицера» он никак не задел и дикий вопрос о клопах как причине бессонницы и беспокойства уже совершенно не поддается извинению. Эта реплика не может быть не исполнена злой иронии: ведь повествователь понимает причину беспокойства своего попутчика и даже смеет осуждать Печорина, нанесшего старику столь жестокую рану. И не просто осуждать: «странствующий офицер» решается морализировать по поводу печоринского поступка. Но чем лучше он сам?

Таким образом, право повествователя как морального судьи подвергается сомнению, а его собственные рассуждения о бессердечии Печорина оказываются подсвечены иронически: скорее это не самоирония повествователя, а уже авторская ирония, демонстрирующая, что ни у кого нет бесспорного морального права судить другого. Не уместнее ли вспомнить о бревне в собственном глазу и оборотиться на себя?

Но проявил ли Печорин действительное бессердечие в сцене с бывшим сослуживцем? Всё намного сложнее. Предупрежденный о приходе Максима Максимыча, Печорин реагирует живо и заинтересованно («быстро отвечал»): «Лошади были уже заложены; колокольчик по временам звенел под дугою,

и лакей уже два раза подходил к Печорину с докладом, что всё готово, а Максим Максимыч еще не являлся. К счастью, Печорин был погружен в задумчивость, глядя на синие зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился в дорогу. Я подошел к нему: «Если вы захотите еще немного подождать, — сказал я, — то будете иметь удовольствие увидаться с старым приятелем...»

— Ах, точно! — быстро отвечал он: — мне вчера говорили; но где же он?».

До встречи с бывшим сослуживцем Печорин не торопился в путь, но, обменявшись с ним лишь парой реплик, торопится уехать, ссылаясь на недостаток времени. Предлог, очевидно, надуманный, ибо теперь Григорий Александрович в отставке и странствует уже не по казенной надобности. Но причина этой неожиданной поспешности, конечно, не в том, что Максим Максимыч ему неинтересен: в таком случае главному герою было бы всё равно — что побыстрее уехать, что чуть задержаться. Для Печорина встреча оказывается мучительна как напоминание о недавнем прошлом.

Поведение во время краткой беседы со штабс-капитаном говорит скорее не столько о бессердечии Печорина, сколько о парадоксальном сочетании совершеннейшего равнодушия с заинтересованностью и даже некоторой участливостью по отношению к собеседнику. Печорин протягивает руку «довольно холодно, хотя с приветливой улыбкой» — что здесь перевешивает: холодность этикетного жеста или радушие и расположение? Приветливая улыбка — напускная или искренняя? При напоминании о Бэле «Печорин чуть-чуть побледнел и отвернулся», затем «принужденно» зевнул. Он отворачивается, не желая, чтобы сторонний человек заметил его чувства, принужденный зевок также призван эти чувства скрыть — он отнюдь не выражает равнодушие к Максиму Максимычу. Прощаясь, Печорин берет штабс-капитана за руку, потом «дружески» обнимает. Казалось бы, что это, как не проявление искреннего чувства, настоящей симпатии?

Нужно помнить: во-первых, Печорин скрытен, во-вторых, он не способен на искреннюю дружбу. И в этом не его вина, а его беда. Собственные переживания центральный персонаж романа скрывает даже от себя самого. Так происходит, когда он описывает слезы отчаяния, вызванные потерей Веры, которую не смог догнать, загнав своего коня: «Попробовал идти пешком — ноги мои подкосились; изнуренный тревогами дня и бессонницей, я упал на мокрую траву и, как ребенок, заплакал.

И долго я лежал неподвижно, и плакал, горько, не стараясь удерживать слез и рыданий; я думал, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровие — исчезали как дым. Душа обессилела, рассудок замолк, и если б в эту минуту кто-нибудь меня увидел, он бы с презрением отвернулся.

Когда ночная роса и горный ветер освежили мою горящую голову и мысли пришли в обычный порядок, то я понял, что гнаться за погибшим счастьем бесполезно и безрассудно. Чего мне еще надобно? — ее видеть? — зачем? не все ли кончено между нами? Один горький прощальный поцелуй не обогатит моих воспоминаний, а после него нам только труднее будет расставаться.

Мне, однако, приятно, что я могу плакать! Впрочем, может быть, этому причиной расстроенные нервы, ночь, проведенная без сна, две минуты против дула пистолета и пустой желудок».

Причиной слез, причиной душевной слабости не были, конечно, «расстроенные нервы, ночь, проведенная без сна, две минуты против дула пистолета и пустой желудок». Но признаться себе в этом Печорин не хочет.

Внешние проявления Печориным сердечности и дружбы ничего не значат; точнее, они — знак отсутствия истинного расположения и хоть какой-то при-

вязанности. «Мы обнялись» — так он ведет себя при встрече с Грушницким. А настоящие отношения таковы: «Я его понял, и он за это меня не любит, хотя мы наружно в самых дружеских отношениях. Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас не сдобровать».

Зато доктор Вернер Печорину действительно близок, и его симпатией главный герой по-своему дорожит — настолько, насколько может дорожить чувствами другого человека. Но прощаются они холодно и отчужденно: «Он на пороге остановился, ему хотелось пожать мне руку... и если б я показал ему малейшее на это желание, то он бросился бы мне на шею; но я остался холоден как камень, — и он вышел».

Печорин не просто не способен на истинную дружбу, он отменяет самую ее возможность, ибо не верит в равные отношения, считая дружбу господством одного над другим: «Я к дружбе неспособен. Из двух друзей всегда один раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признается».

Философское и моральное кредо героя романа выражено отчасти в признании, содержащемся в повести «Княжна Мери»: «Я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы. Сам я больше неспособен безумствовать под влиянием страсти; честолюбие у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось в другом виде, ибо честолюбие есть не что иное, как жажда власти, а первое мое удовольствие — подчинять моей воле все, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха — не есть ли первый признак и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиной страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, — не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? Насыщенная гордость. Если б я почитал себя лучше, могущественнее всех на свете, я был бы счастлив; если б все меня любили, я в себе нашел бы бесконечные источники любви».

Простодушный и недалекий Максим Максимыч для Печорина, естественно, не может стать ни предметом живого интереса, ни объектом изощренного и жестокого психологического эксперимента, целью которого являются господство, подчинение или месть и уничтожение (как это по-разному проявляется по отношению к княжне Мери, Вере, Бэле или Грушницкому). Для Печорина даже минимум расположения, проявленный при последней встрече со штабс-капитаном (с которым связаны тяжелые воспоминания о горькой судьбе Бэлы), значит уже много. Кажется, здесь мы встречаемся с редкой ситуацией, когда Печорин действительно выражает естественное, хотя и слабое расположение к собеседнику — как «эхо», отклик живейшего, но несколько навязчивого дружеского настроения со стороны штабс-капитана. На Максима Максимыча печоринские поведенческие стратегии господства-подчинения не распространяются. Впрочем, по-видимому, нельзя не учитывать и присутствия при беседе «странствующего офицера»: фигура непрошеного соглядатая так или иначе не может не модифицировать поведение Печорина, неизменно стремящегося ускользнуть от стороннего взгляда и от попытки стать объектом наблюдений и разгадывания.

Как известно, и характер, и даже портрет Печорина сотканы из отчетливых противоречий. При этом образ центрального персонажа романа вбирает в себя многие признаки, присущие другим героям, но не уподобляется ни одному из них. По справедливой мысли И. А. Гурвича, «структура “Героя нашего времени” не просто допускает возможность предположительных, вариативных

Прочитайте статью, данную с небольшим сокращением, и ответьте на ряд последующих вопросов.

И. С. Юхнова

ОБРАЗ СТРАНСТВУЮЩЕГО ОФИЦЕРА В РОМАНЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Исследователи говорят о «стереоскопичности изображения Печорина», так как читательское представление о нем формируется на основе сопряжения разных восприятий, разных точек зрения. Одни из них принадлежат рассказывающим персонажам, а потому очевидны, другие передаются косвенно, через «посредников»: это оценки княжны Мери, драгунского капитана, Грушницкого (вспомним хотя бы слова, произнесенные во время дуэли), Веры (ее письмо) и др. При этом, как замечено, «рассказывающий у Лермонтова может или вовсе не понимать истинного смысла событий, которым он был свидетель (Максим Максимыч в «Бэле»), или, оценивая личность другого, не видеть своего родства, своей близости к ней (офицер-рассказчик — Печорин, Печорин — Грушницкий). Предисловие к «Журналу Печорина» отмечено тем же нарочитым желанием отстраниться, иронически и бесстрастно оценить иную жизнь. Читателю же очевидна общность, складывающаяся помимо субъективных желаний, как следствие принадлежности к одному времени, одному типу, «породе».

Представление о герое формируется на основе его автопризнаний, а также оценок Максима Максимыча, автора (первое «Предисловие») и такого персонажа, которого чаще всего именуют «странствующим офицером». Определение это закрепилось с легкой руки С. Н. Дурылина, который не подвергает сомнению принадлежность повествователя к военной среде. Однако в недавно переизданных комментариях ученого есть уточнение А. Аникина: «Роль повествователя в романе велика, но есть сомнения, что он офицер. Это определение Дурылин повторяет с учетом первой публикации в журнале “Отечественные записки”, где значилось “Из записок офицера на Кавказе”. Но всё же роман как законченное произведение появился без этого указания, а в характере рассказчика и его беседах с Максимом Максимычем нет ничего, что указывало бы на офицера. Скорее даже, наоборот, многое изобличает штатского».

С. Н. Дурылин, детально проанализировавший черновые варианты романа, последовательно помещает героя-рассказчика в офицерско-оппозиционный круг. Комментируя строку «И ты, изгнанница, — думал я, — плачешь о своих широких, раздольных степях!», он пишет: «Обращение автора записок к метели — как к тоскующей и рвущейся на волю “изгнаннице” — принявшее форму стихотворения в прозе, — дает право думать, что этот офицер, подобно Печорину и самому Лермонтову, был подневольным кавказцем, “изгнанником с милого севера в сторону южную”». Таким образом, для Дурылина рассказчик не просто офицер, но офицер, сосланный на Кавказ, а если продолжить рассуждения в этом ключе, учесть, что он человек пишущий, то сослан

не за дуэль или подобного рода дисциплинарный проступок, а за творчество, из-за убеждений.

Однако цельной концепции образа у С. Н. Дурылина все-таки нет, он ограничивается лишь разрозненными замечаниями и даже не включает завершеного параграфа по образу странствующего офицера в главу «Вокруг Печорина», как это делает в отношении Максима Максимыча, Вернера, Грушницкого, Бэлы, Веры. Отчасти это может быть объяснено тем, что он рассматривает героев, имеющих прямое отношение к событиям, изображаемым в произведении, повествователь же остается сторонним лицом, наблюдателем, его путь лишь на мгновение пересекается со странствиями Печорина, когда он стал свидетелем его встречи с Максимом Максимычем на владикавказской станции, но серьезного личностного контакта, кроме обмена репликами, между ними не произошло.

В. Мануйлов, автор другого комментария к роману, называет этого героя «офицером — автором путевых записок», «автором». Однако последнее обозначение — «автор» — затрудняет понимание, так как при подобной номинации нет различия автора-Лермонтова и автора-путешественника, тем более странно, что авторское слово вычленено в произведении, оно звучит в предисловии к роману. В характеристике персонажа (а он, напомним, ведет повествование в первой части произведения, во второй выступает как издатель, отобравший фрагменты из «Журнала Печорина») В. Мануйлов следует за С. Н. Дурылиным. Он характеризует создателя путевых записок следующим образом: это «русский офицер, странствующий “с подорожной по казенной надобности”, смотрит на кавказскую природу и кавказский быт глазами русского человека: “...и весело было слышать среди этого мертвого сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякивание русского колокольчика”, “странствующий, наблюдающий жизнь и записывающий свои впечатления молодой офицер, образ которого явно автобиографичен”». Исследователь также отмечает, что «рассказчик, который впервые знакомит читателя с Печориным и его жизнью, превращен из условного персонажа (как это обычно бывало раньше в романтических повестях) в совершенно реальный образ человека, принимающего участие в событиях, о которых он ведет рассказ». Однако эта мысль о «реальности образа» не развивается. В. Мануйлов то отождествляет автора записок с Лермонтовым (так формируется мысль об автобиографичности героя), то уподобляет его Печорину. Основания для этого — ведение записей и странствия по Кавказу. Но в романе нет никаких указаний на то, что рассказчик странствует не по доброй воле, что это вынужденное путешествие. А самоаттестация: «Мне, странствующему офицеру, да еще с подорожной по казенной надобности» — реалия из дневника Печорина, а не из записок повествователя.

Совмещение кругозоров автора и рассказчика в комментарии происходит не раз. Например, в пояснении к портрету Печорина в главе «Максим Максимыч», где, как мы помним, выражена точка зрения «странствующего офицера», его видение, читаем: «У Лермонтова был свой метод. На него он намекает здесь, говоря: “...мои собственные замечания, основанные на моих же наблюдениях”. Этот метод применяет для распознавания людей и Печорин...». В качестве аргументации приводится ряд аналогий: одна из них — доминирование в описаниях таких черт, как зубы, глаза и др. Итог размышлений: «Печорин <...> является таким же “физиологом”, как и сам Лермонтов». Однако возникает вопрос, почему в этом фрагменте портрет Печорина приписывается Лермонтову, а не «странствующему офицеру». Да и литературные ассоциации

в этом эпизоде (например, упоминание Бальзака) тоже намечают кругозор повествователя, так как именно в его сознании рождается сравнение Печорина с «бальзаковой тридцатилетней кокеткой».

Один герой, сам автор понимаются комментаторами через другого, и выявляемые аналогии, общность в их мировоззрении и судьбе становятся для этого основанием. При таком подходе рассказчик не интересен как индивидуальность, не обретает плоть как «реальный образ» (вспомним мысль В. Мануйлова), а остается своего рода формулой, условностью.

При всех очевидных совпадениях в судьбах образ рассказчика нельзя признать автобиографическим: это, как и Печорин, и Максим Максимыч, герой типический. Он один из того поколения, над судьбой которого размышляет Лермонтов в романе. Думается, что реплика из авторского предисловия: «Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал» — равно может быть отнесена и к Печорину (а именно о нем в данном случае и идет речь), и к повествователю. Это разные типы личности, сосуществующие в одном поколении. Данное обстоятельство обусловило и сходство биографий. Типичным было путешествие на Кавказ, и не только «по казенной», но и собственной «надобности». В. Мануйлов в своем комментарии дает обширную справку на этот счет. По Кавказу ездил и опубликовал записки А. С. Грибоедов. А. С. Пушкин совершил поездку на Кавказ, итогом которой стало «Путешествие в Арзрум». Кавказ прочно ассоциировался с оппозиционностью, был «идеологической антитезой» российской действительности. Типичным было и стремление вести записки, дневники. Итак, все сходства внешние, внутренний мир героев принципиально различен. Автор записок воплощает другой психологический тип, другой тип отношений с миром, нежели главный герой. Пожалуй, самую развернутую характеристику этому персонажу дает А. Аникин в пояснениях к комментарию С. Н. Дурылина. Исследователь исходит из того, что в романе представлены «три основных характера: Печорин, Максим Максимыч и — скромный рассказчик», «...он, скорее всего, бывший офицер и ближе всего — к самому автору...», это позволяет ему сделать вывод о сходстве героя-рассказчика в «Герое нашего времени» с образом автора в «Евгении Онегине». А. Аникин воссоздает личностный и психологический портрет повествователя. В нем он выделяет такие доминирующие черты, как приятие жизни, созерцательность, склонность к наблюдению, пассивность, скромность, аскетичность, непривязанность к быту... Исследователь делает и такие наблюдения: «Он предельно вежлив, скромен и покладист, лишен всякой гордыни, подчеркнуто мягок и отзывчив»; «Основное его поприще — пристальное внимание к жизни, к людям и их судьбам. Его самоопределение — всего лишь как путешествующие и записывающие люди. Но он, конечно, и мыслитель, философ нравственности, впрочем, далекий пока от решительных обобщений. Он готов принять жизнь во всем как она есть, без резкого анализа и основательных выводов. Он переживает и религиозный опыт...»; «...он явно ищущий герой, формирующий свою личность. А пока, в поиске истины — тонко рисующий картины жизни»; «При всем расположении к людям, он очевидно одинок и пребывает в постоянной грусти и задумчивости. Впрочем, суд его о людях достаточно четок, а порой жесток и откровенен».

Итоговый вывод-вопрос исследователя таков: «Не стремился ли сам Лермонтов именно в рассказчике обозначить и еще одного героя своего времени, и вероятный поворот в своей собственной судьбе, с мечтаниями о грядущей отставке от воинской службы и, стало быть, о каком-то новом поприще?»

Не в таком ли облике думал возвращаться Лермонтов с Кавказа после ухода со службы?». С его точки зрения, странствующий офицер в сфере жизнестроительства **победил** Печорина, так как он сумел найти «зоны» взаимодействия с жизнью, не встал на путь разрушения.

Как видно из вышесказанного, А. Аникину удастся избежать общих слов, формул при характеристике персонажа, показать, что само поколение разнообразно, — это и позволяет ему рассматривать героя как «альтернативу печоринскому типу» (подобно Максиму Максимычу). Однако ряд наблюдений этого исследователя, а также его предшественников требует уточнений. Так, например, А. Аникин говорит о пассивности героя, «даже вялости на фоне остальных». Действительно, этот герой не показан в активном поступке, как Печорин. Он не человек активного действия, как главный герой, однако обладает даром воздействия на другого, только делает это исподволь, ненавязчиво и незаметно. Проявляется данное качество в том, как он выстраивает процесс общения. В «Бэле» герой целенаправленно, тактично, деликатно сумел «разговорить» Максима Максимыча, направил беседу в нужном ему направлении, создал ситуацию, при которой рассказ начал осуществляться сам, естественным образом. Герой не форсирует события, находится в тени и, хотя заинтересован в рассказе, готов отказаться от своего желания.

Трудно согласиться и с тем, что повествователь — один из «лишних людей». С. Н. Дурылин пишет: «Максим Максимыч причисляет офицера-путешественника к тому же столично-дворянскому кругу, к которому принадлежит Печорин. У них, действительно, общий социальный паспорт и много общих психологических черт: «охота к перемене мест», тяга к природе, любовь к Байрону и пр. Поскольку личность офицера-повествователя проступает сквозь его рассказы, он также **принадлежит к числу «лишних людей»**, у него чувства и язык общие с Печориным, и многие страницы его записок мог бы написать Печорин, как, в свою очередь, офицеру-путешественнику могли бы принадлежать страницы «Тамани» или «Фаталиста».

Материал произведения не дает оснований утверждать, что герой принадлежит к данному литературному типу.

«Лишний человек» подвержен скуке, хандре, которая есть следствие невозможности реализовать себя на каком-то жизненном поприще. Стремлением заполнить пустоту обусловлена и «охота к перемене мест». Действительно, повествователь — автор записок странствует: что-то гонит его из России на Кавказ, но нет указаний, что причина этого — скука, хандра, разочарованность в жизни, опустошение. Более того, герой находит сферу для самовыражения, реализации своих духовных потребностей: его жизнь наполнена литературой. Ему удается опубликовать записки, в которые вошел и «Журнал Печорина». Всё, что попадает в сферу его внимания, воплощается в художественную форму, и это не просто записки для себя, наброски для памяти. Записи ведутся, чтобы быть опубликованными, дойти до читателя. В «Бэле» есть деталь, показывающая, как пересоздаются первичные впечатления. Песню Казбича повествователь передает в стихотворной форме, при этом сам предупреждает читателя: «Я прошу прощения у читателей в том, что переложил в стихи песню Казбича, переданную мне, разумеется, прозой; но привычка — вторая натура». Литературный труд, взаимодействие с читателем, пусть и в редуцированном виде, но представлены в романе.

Есть еще один существенный момент, не позволяющий атрибутировать героя как «лишнего человека». Его жизнь дана в динамике: эволюция скрыта, смикширована, однако в романе отчетливо намечаются прошлое (стран-

ствия по Кавказу) и настоящее (работа и издание романа о Печорине). Герой предстает перед читателем на разных этапах своей жизни: и когда осваивает новую для себя реальность, которая становится объектом изображения в литературном произведении (это этап отбора жизненных фактов, формирования сюжета возможного романа), и когда выпускает свое произведение в свет, делает его фактом литературы, ожидает откликов, диалога с читателем... Так намечается временная протяженность, а судьба героя предстает как незавершенная и неисчерпанная (на что указывает и возможность новых произведений). И динамика — это не тупиковый путь или блуждание по кругу, как у Печорина, а путь, ведущий его к людям. О том, что это движение не случайно, свидетельствует также заинтересованное внимание к чужой жизни, в частности к миру горцев, тогда как «лишний человек» погружен в себя, в самоанализ.

Можно говорить о диалогичности сознания повествователя, которая проявляется, например, в обращенности к читателю, что также отличает его от монологичного Печорина, мысль которого сосредоточена на осмыслении движений собственной души и на поиске ответа на вопрос о своем предназначении.

«Странствующий офицер» воплощает в себе принципиально другой, нежели Печорин, тип сознания. Печорин — интуитивист. Он доверяет предчувствиям, смутным, неосознанным ощущениям, у него существует целая система предубеждений. Рассказчик, напротив, претендует на объективность, его повествование характеризуется «подчеркнуто-трезвым тоном». Он иронизирует над преданиями, легендами, бытующими в массовом сознании, о чем свидетельствуют ироничные реплики о Чертовой долине, о кресте, воздвигнутом Петром I. Упоминание о Гамбе, кресте показывает, как преодолевается книжное знание, как утверждается приоритет факта над вымыслом. Это становится актуальным в связи с проблемой творческого порядка: как создается роман. Герой-повествователь сюжет для своего произведения берет из жизни, его роман рождается из опыта, личных наблюдений, а не придумывается. В «Бэле» проступает и такой полемический литературный план: повествователь воспринимает Кавказ сквозь призму путевой литературы той поры, соотносит то, что написано, с тем, что познает сам. Трудно сказать, что первично: почерпнутые из литературы знания о Кавказе или непосредственные личные впечатления. Важно, что реальность не соответствует прочитанному: в существующих путевых записках много ложного, неточного, искаженного, фальсифицированного. Так возникает скрытая полемика и с жанром путевых записок, и со стереотипами, утвердившимися в массовом сознании. Так очерчивается взгляд человека, стремящегося точно и достоверно воссоздать увиденное (в этом и проявляется художественная установка на объективность). <...>

Героем романа «странствующего офицера», романа, выросшего из жизни, стал Печорин. Повествователь отделяет себя от Печорина не только как автор от своего творения: Печорин для него другой, не соответствующий «моему» тип личности. Эту загадку чужой личности, вслед за Максимом Максимычем, он и пытается разгадать. И для себя разгадывает. Но, как замечает Б. Т. Удодов, «точка зрения повествователя, его оценки даются с позиций “овнешненного”, а потому и “закрытого”, завершеного изображения Печорина как незаурядного, но конечного земного человека, в жизни которого смерть ставит точку его исканиям, стремлениям, “делам и приключениям”, попыткам найти свое место не только в обществе, но и в мире, обрести смысл своего в нем существования. Внешняя биография Печорина, рассказанная повествователем, представляет собой историю несостоявшейся судьбы яркой, духовно богатой

Познакомьтесь с приведенным в сокращении исследованием В. Ш. Кривоноса и выполните предложенные задания.

В. Ш. Кривонос

ТЕКСТ СУДЬБЫ В «ГЕРОЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» ЛЕРМОНТОВА

<...> Понятие 'текст судьбы' имеет архаические корни, отражая мифологическое представление о судьбе, которая «пишет, чертит свои знаки» и представит в образе «книги, которую нужно прочесть и истолковать». <...>

В «Герое нашего времени», чему способствует нелинейное повествование, отсутствует последовательное формирование текста судьбы; тем не менее его роль, неравномерно распределяясь между разными частями, резко возрастает именно в последней части. <...> Закрывающий «Героя нашего времени» «Фаталист», целиком посвященный спору о вере в предопределение, которая подразумевает неотвратимость предначертанной человеку свыше судьбы, открывается разговором, прямо затрагивающим вопрос о существовании текста судьбы и провоцирующим его нарративно-сюжетное развертывание: «Рассуждали о том, что мусульманское поверье, будто судьба человека написана на небесах, находит и между нами, христианами, многих поклонников; каждый рассказывал разные необыкновенные случаи pro или contra».

Обсуждаемое поверье воспринимается как *занимательная* история, имеющая отношение к каждому, почему и вызывает личный интерес у слушателей, подтверждающих или опровергающих его рассказами о *необыкновенных случаях*, в свою очередь подчеркивающих *необыкновенное* содержание самого поверья. *Необыкновенность* его видится в том, что текста, написанного на небесах, никто никогда не видел, так что нет доказательств, будто в нем, вопреки данным людям «воле» и «рассудку», уже «означен час нашей смерти». Однако один из офицеров, поручик Вулич, не принимавший участия в споре, предлагает всем, кто нуждается в доказательствах, «...испробовать на себе, может ли человек своевольно располагать своею жизнью, или каждому из нас заранее назначена роковая минута...»; хотя присутствующие и называют его «чудаком», настолько странным и нелепым кажется им предложение, но Печорин <...> предлагает в ответ пари, утверждая «что нет предопределения». <...>

Мусульманское поверье несет в себе в качестве презумпции готовый вывод: предопределение существует. Поведение Вулича <...> призвано подтвердить разделяемую им презумпцию даже ценой крайне рискованного эксперимента. Печорин же ставит под вопрос истинность и самого вывода, и выражающего его поверья; предложение пари <...> провоцирует Вулича и порождает сюжетную ситуацию, целиком этим провоцированием определяющуюся <...> Отстаиваемую Вуличем веру в предопределение вряд ли можно назвать безотчетной или слепой, поскольку она, по его убеждению, может быть подкреплена неоспоримым доказательством; потому он и принимает вызов Печорина, затеяв смертельно опасную игру с наугад выбранным оружием. Под предопределением Вулич имеет в виду отнюдь не проявление неподвластных человеку сверхъестественных сил, управляющих течением

жизни; им движет уверенность, непосредственно выраженная в мусульманском поверье, что есть заранее написанный текст судьбы, изменить который человек не в силах. <...>

Утверждение Печорина, что *нет предопределения*, перекликается с его рассуждением накануне дуэли в «Княжне Мери», когда на опасный эксперимент решается он сам. Назначенные по требованию Грушницкого «роковые шесть шагов» могут оказаться *роковыми* как для одного, так и для другого дуэлянта: «что если его счастье перетянет? Если моя звезда, наконец, мне изменит?.. И немудрено: она так долго служила верно моим прихотям; на небесах не более постоянства, чем на земле». *Счастье* и *звезда* выступают здесь синонимами *судьбы*, написанной, согласно обсуждаемому в «Фаталисте» поверью, на небесах, где, по убеждению Печорина, вовсе нет постоянства, так что она отнюдь не предопределена и может изменить герою, приняв сторону его соперника. <...>

В обмене репликами с Вуличем, предшествующем его поступку, призванному решить спор, выстрелу себе в лоб из пистолета, и после того, как пистолет дал осечку, уже проявляется свойственная Печорину метафизическая интуиция, основанная на вере в предчувствие: «Мои предчувствия меня никогда не обманывали». <...>

...прочитав, как ему казалось, «печать смерти на бледном лице» Вулича, Печорин категоричен в своем приговоре: «Вы нынче умрете»; в ответ он слышит: «Может быть, да — может быть, и нет...». Вулич, собравшийся стреляться, имеет в виду возможный результат смертельно опасного эксперимента, Печорин же заглядывает вперед «на несколько часов», доверяя своим «привычным глазам», заметившим «какой-то странный отпечаток неизбежной судьбы». Отвечая на вопрос Вулича после счастливого для того исхода испытания, начал ли он «верить предопределению», Печорин вновь напоминает о своем предчувствии, так что поручик «вдруг вспыхнул и смутился», заявив, что *пари* «кончилось» и потому подобные «замечания» теперь «неуместны»: «Верю... только не понимаю теперь, отчего мне казалось, будто вы непременно должны нынче умереть...». Если вера в предопределение требует доказательств, то Вулич, только что предъявивший, как ему кажется, убедительное доказательство, что *роковая минута* ему еще не назначена, считает себя вправе отвергнуть неблагоприятное для него предсказание. Между тем Печорин, удивленный *странный* реакцией Вулича, но сам *теперь* не понимающий, почему его предсказание не сбылось, как будто и в самом деле начинает верить в предопределение, что *судьба человека написана на небесах*, хотя сомнения его по-прежнему не оставляют.

Дело в том, что Печорин признает реальность судьбы, ее очевидного для него вмешательства в жизнь человека. У него уже был повод посетовать на ее своеволие в финале «Тамани»: «И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг *честных контрабандистов*? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие, и как камень едва сам не пошел ко дну!». <...> В «Княжне Мери», предаваясь размышлениям о роли судьбы в его жизненной истории, он видит в ней исключительно иррациональную силу, о целях которой можно строить предположения, но чье поведение всё равно остается загадочным: «С тех пор, как я живу и действую, судьба как-то всегда приводила меня к развязке чужих драм, как будто без меня никто не мог бы ни умереть, ни прийти в отчаяние. Я был необходимое лицо пятого акта; невольно я разыгрывал жалкую роль палача или предателя. Какую цель имела на это судьба?.. Уж не назначен ли я ею в сочинители мещанских трагедий

и семейных романов, — или в сотрудники поставщику повестей, например, для “Библиотеки для чтения”?.. Почему знать!..». <...>

Как судьба играет с человеком, так и человек может вступить в игру с судьбой, даже если он сознает, что игра эта носит смертельный характер. Именно такую сюжетную ситуацию порождает спор о предопределении, только здесь в игру с судьбой вступает не один только Вулич, но и Печорин, которому уже приходилось задумываться, как соотносятся в его жизни возможная предначертанность и вероятная неисповедимость судьбы. <...>

Об одном из вероятных вариантов его судьбы рассуждает после встречи с Печориным, так сильно его расстроившей, Максим Максимыч; удивляясь, «какой бес несет его теперь в Персию», штабс-капитан предвидит, «...что он дурно кончит... да и нельзя иначе!.. Уж я всегда говорил, что нету проку в том, кто старых друзей забывает!..». И печальный его прогноз как будто сбывается; повествователь, расставшись с Максимом Максимычем, сообщает спустя какое-то время: «Недавно я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер». Судьбу Печорина предсказание штабс-капитана ограничивает (в духе укорененного в народном сознании представления о судьбе) «...обстоятельствами и сроком смерти, как важнейшего события жизни». <...>

Смерть Вулича, зарубленного наскочившим на него ночью пьяным казаком, которого он «вдруг», когда «шел один по темной улице», остановил вопросом «кого ты, братец, ищешь?», выглядит случайной, как и упомянутая повествователем смерть самого Печорина, но на этом, на внешне случайном характере смерти, сходство заканчивается. Перед смертью Вулич успел сказать «только два слова: “он прав!”»; их «темное значение» было понятно одному Печорину, предсказавшему «невольно бедному его судьбу»: «инстинкт» его «не обманул», он «точно прочел на его изменившемся лице печать близкой кончины». <...>

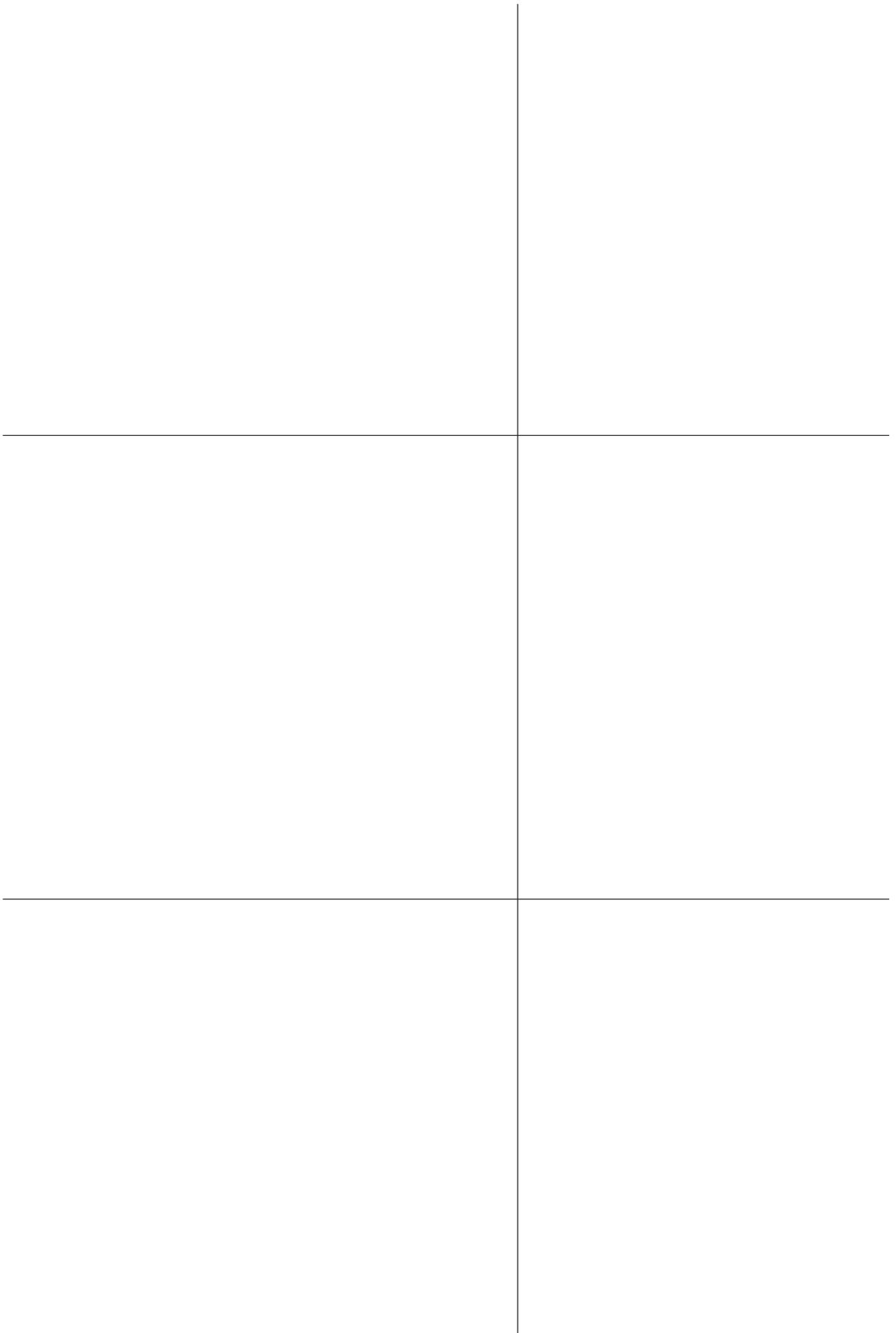
Остается, однако, открытым вопрос, принимает ли Печорин во внимание судьбу, будто бы написанную на небесах, когда берется ее испытать, или же действует, полностью положившись на решительность своего характера, вообще «по ту сторону» судьбы — и по ту сторону предопределения. Максим Максимыч, мнением которого «насчет предопределения» он после всего случившегося поинтересовался, «сначала не понимал этого слова», получив же объяснение и обнаружив присущую ему нелюбовь «к метафизическим прениям», повернул разговор в привычное для него русло: «Впрочем, видно, уж так у него на роду было написано...». Подобным образом отзывается он в «Бэле» о самом Печорине: «Ведь есть, право, такие люди, у которых на роду написано, что с ними должны случаться разные необыкновенные вещи». <...>

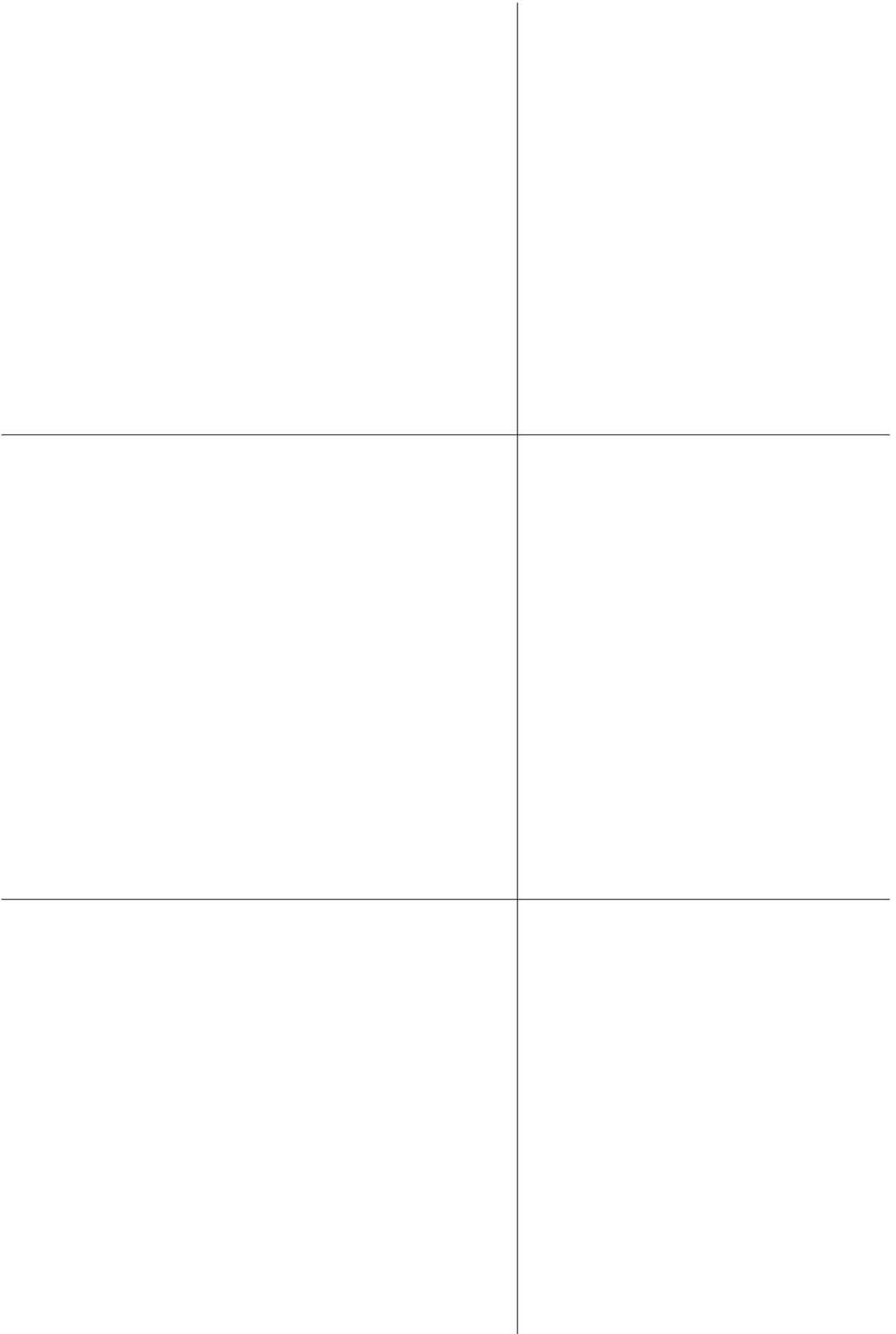
Знаменательно, что финал «Фаталиста», напоминая о значимости для Печорина *метафизических прений*, которые он ведет с судьбой на протяжении всего романа, остается открытым; остается тем самым открытым и финал романа, в структурной организации которого явственно обнаруживается стремление «к незавершенности». Такое же стремление демонстрирует и текст судьбы героя, что подчеркивает незавершенность самой его личности — личности изображенного и изобразившего себя человека, пусть и «не имеющего отныне ничего общего с здешним миром», как выразился повествователь, печатая после смерти Печорина его «записки», но таившей и по-прежнему таящей в себе много скрытых, не распознанных им самим и неосуществленных возможностей.

Впервые опубликовано в «Новом филологическом вестнике» (2018. № 9. С. 109–123).

Один из основных изобразительных приемов в творчестве М. Ю. Лермонтова — прием антитезы. Выпишите фрагменты из романа «Герой нашего времени», в которых развернуты противопоставления (не менее 6–8 примеров).

ФРАГМЕНТ ИЗ ТЕКСТА	ПРИЕМ АНТИТЕЗЫ
<p>«Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побежденное ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртучок его, застегнутый только на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно чистое белье, избличавшее привычки порядочного человека; его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке, и когда он снял одну перчатку, то я был удивлен худобой его бледных пальцев».</p>	<ul style="list-style-type: none"> ▶ тонкий стан — широкие плечи ▶ ослепительно чистое белье — пыльный сюртук ▶ ослепительно чистое белье — запачканные перчатки ▶ широкие плечи — маленькая рука ▶ крепкое сложение — худоба бледных пальцев

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Прочитайте фрагмент «Дневника Печорина» от 12 июня. Как выглядели бы описанные события, если бы о них рассказывала княжна Мери? Напишите фрагмент «Дневника княжны Мери» от 12 июня.

12-го июня

Сегодняшний вечер был обилён происшествиями. Верстах в трёх от Кисловодска, в ущелье, где протекает Подкумок, есть скала, называемая Кольцом; это — ворота, образованные природой; они поднимаются на высоком холме, и заходящее солнце сквозь них бросает на м...ир свой последний пламенный взгляд. Многочисленная кавалькада отправилась туда посмотреть на закат солнца сквозь каменное окошко. Никто из нас, по правде сказать, не думал о солнце. Я ехал возле княжны; возвращаясь домой, надо было переезжать Подкумок вброд. Горные речки, самые мелкие, опасны, особенно тем, что дно их — совершенный калейдоскоп: каждый день от напора волн оно изменяется; где был вчера камень, там нынче яма. Я взял под уздцы лошадь княжны и свел её в воду, которая не была выше колен; мы тихонько стали подвигаться наискось против течения. Известно, что, переезжая быстрые речки, не должно смотреть на воду, ибо тотчас голова закружится. Я забыл об этом предупредить княжну Мери.

Мы были уж на середине, в самой быстрине, когда она вдруг на седле покачнулась. «Мне дурно!» — проговорила она слабым голосом... Я быстро наклонился к ней, обвил рукою её гибкую талию. «Смотрите наверх! — шепнул я ей, — это ничего, только не бойтесь; я с вами».

Ей стало лучше; она хотела освободиться от моей руки, но я ещё крепче обвил её нежный мягкий стан; моя щека почти касалась её щеки; от неё веяло пламенем.

— Что вы со мною делаете? Боже мой!..

Я не обращал внимания на её трепет и смущение, и губы мои коснулись её нежной щечки; она вздрогнула, но ничего не сказала; мы ехали сзади; никто не видал. Когда мы выбрались на берег, то все пустились рысью. Княжна удержала свою лошадь; я остался возле неё; видно было, что её беспокоило мое молчание, но я поклялся не говорить ни слова — из любопытства. Мне хотелось видеть, как она выпутается из этого затруднительного положения.

— Или вы меня презираете, или очень любите! — сказала она наконец голосом, в котором были слезы. — Может быть, вы хотите посмеяться надо

Иллюстрация Н. А. Тырсы

мной, возмутить мою душу и потом оставить. — Это было бы так подло, так низко, что одно предположение... о нет! не правда ли, — прибавила она голосом нежной доверенности, — не правда ли, во мне нет ничего такого, что бы исключало уважение? Ваш дерзкий поступок... я должна, я должна вам его простить, потому что позволила... Отвечайте, говорите же, я хочу слышать ваш голос!.. — В последних словах было такое женское нетерпение, что я невольно улыбнулся; к счастью, начинало смеркаться. Я ничего не отвечал.

— Вы молчите? — продолжала она, — вы, может быть, хотите, чтоб я первая вам сказала, что я вас люблю?..

Я молчал...

— Хотите ли этого? — продолжала она, быстро обратясь ко мне... В решительности ее взора и голоса было что-то страшное...

— Зачем? — отвечал я, пожав плечами.

Она ударила хлыстом свою лошадь и пустилась во весь дух по узкой, опасной дороге; это произошло так скоро, что я едва мог ее догнать, и то, когда она уж присоединилась к остальному обществу. До самого дома она говорила и смеялась поминутно. В ее движениях было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Все заметили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренне радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервический припадок: она проведет ночь без сна и будет плакать. Эта мысль мне доставляет необъятное наслаждение: есть минуты, когда я понимаю Вампира... А еще слышу добрым малым и добиваюсь этого названия!

Слезши с лошадей, дамы вошли к княгине; я был взволнован и поскакал в горы развеять мысли, толпившиеся в голове моей. Росистый вечер дышал упоительной прохладой. Луна подымалась из-за темных вершин. Каждый шаг моей некованой лошади глухо раздавался в молчании ущелий; у водопада я напоил коня, жадно вдохнул в себя раза два свежий воздух южной ночи и пустился в обратный путь. Я ехал через слободку. Огни начинали угасать в окнах; часовые на валу крепости и казаки на окрестных пикетах протяжно перекликались...

В одном из домов слободки, построенном на краю обрыва, заметил я чрезвычайное освещение; по временам раздавался нестройный говор и крики, избличавшие военную пирушку. Я слез и подкрался к окну; неплотно притворенный ставень позволил мне видеть пирующих и расслышать их слова. Говорили обо мне.

Драгунский капитан, разгоряченный вином, ударил по столу кулаком, требуя внимания.

— Господа! — сказал он, — это ни на что не похоже. Печорина надо проучить! Эти петербургские слетки всегда зазнаются, пока их не ударишь по носу! Он думает, что он только один и жил в свете, оттого что носит всегда чистые перчатки и вычищенные сапоги.

— И что за надменная улыбка! А я уверен между тем, что он трус, — да, трус!

— Я думаю тоже, — сказал Грушницкий. — Он любит отшучиваться. Я раз ему таких вещей наговорил, что другой бы меня изрубил на месте, а Печорин все обратил в смешную сторону. Я, разумеется, его не вызвал, потому что это было его дело; да не хотел и связываться...

— Грушницкий на него зол за то, что он отбил у него княжну, — сказал кто-то.

— Вот еще что вздумали! Я, правда, немножко волочился за княжной, да и тотчас отстал, потому что не хочу жениться, а компрометировать девушку не в моих правилах.

— Да я вас уверяю, что он первейший трус, то есть Печорин, а не Грушницкий, — о, Грушницкий молодец, и притом он мой истинный друг! — сказал опять драгунский капитан. — Господа! никто здесь его не защищает? Никто? тем лучше! Хотите испытать его храбрость? Это нас позабавит...

— Хотим; только как?

— А вот слушайте: Грушницкий на него особенно сердит — ему первая роль! Он придерется к какой-нибудь глупости и вызовет Печорина на дуэль... Погодите; вот в этом-то и штука... Вызовет на дуэль: хорошо! Все это — вызов, приготовления, условия — будет как можно торжественнее и ужаснее, — я за это берусь; я буду твоим секундантом, мой бедный друг! Хорошо! Только вот где закорючка: в пистолеты мы не положим пуль. Уж я вам отвечаю, что Печорин струсит — на шести шагах их поставлю, черт возьми! Согласны ли, господа?

— Славно придумано! согласны! почему же нет? — раздалось со всех сторон.

— А ты, Грушницкий?

Я с трепетом ждал ответ Грушницкого; холодная злость овладела мною при мысли, что если б не случай, то я мог бы сделаться посмешищем этих дураков. Если б Грушницкий не согласился, я бросился б ему на шею. Но после некоторого молчания он встал с своего места, протянул руку капитану и сказал очень важно: «Хорошо, я согласен».

Трудно описать восторг всей честной компании.

Я вернулся домой, волнуемый двумя различными чувствами. Первое было грусть. «За что они все меня ненавидят? — думал я. — За что? Обидел ли я кого-нибудь? Нет. Неужели я принадлежу к числу тех людей, которых один вид уже порождает недоброжелательство?» И я чувствовал, что ядовитая злость мало-помалу наполняла мою душу. «Берегись, господин Грушницкий! — говорил я, прохаживаясь взад и вперед по комнате. — Со мной этак не шутят. Вы дорого можете заплатить за одобрение ваших глупых товарищей. Я вам не игрушка!..»

Я не спал всю ночь. К утру я был желт, как померанец.

Поутру я встретил княжну у колодца.

— Вы больны? — сказала она, пристально посмотрев на меня.

— Я не спал ночь.

— И я также... я вас обвиняла... может быть, напрасно? Но объяснитесь, я могу вам простить все...

— Все ли?..

— Все... только говорите правду... только скорее... Видите ли, я много думала, старалась объяснить, оправдать ваше поведение; может быть, вы боитесь препятствий со стороны моих родных... это ничего; когда они узнают... (ее голос задрожал) я их упрошу. Или ваше собственное положение... но знайте, что я всем могу пожертвовать для того, которого люблю... О, отвечайте скорее, сжальтесь... Вы меня не презираете, не правда ли? Она схватила меня за руки. Княгиня шла впереди нас с мужем Веры и ничего не видала; но нас могли видеть гуляющие больные, самые любопытные сплетники из всех любопытных, и я быстро освободил свою руку от ее страстного пожатия.

— Я вам скажу всю истину, — отвечал я княжне, — не буду оправдываться, ни объяснять своих поступков; я вас не люблю...

Ее губы слегка побледнели...

— Оставьте меня, — сказала она едва внятно.

Я пожал плечами, повернулся и ушел.

Прочитайте фрагмент лермонтовского романа из «Дневника Печорина».

Проходя мимо кислосерного источника, я остановился у крытой галереи, чтоб вздохнуть под ее тенью, это доставило мне случай быть свидетелем довольно любопытной сцены. Действующие лица находились вот в каком положении. Княгиня с московским франтом сидела на лавке в крытой галерее, и оба были заняты, кажется, серьезным разговором. Княжна, вероятно допив уж последний стакан, прохаживалась задумчиво у колодца. Грушницкий стоял у самого колодца; больше на площадке никого не было.

Я подошел ближе и спрятался за угол галереи. В эту минуту Грушницкий уронил свой стакан на песок и усиливался нагнуться, чтоб его поднять: больная нога ему мешала. Бежняжка! как он ухитрился, опираясь на костыль, и всё напрасно. Выразительное лицо его в самом деле изображало страдание.

Княжна Мери видела всё это лучше меня.

Легче птички она к нему подскочила, нагнулась, подняла стакан и подала ему с телодвижением, исполненным невыразимой прелести; потом ужасно покраснела, оглянулась на галерею и, убедившись, что ее маменька ничего не видала, кажется, тотчас же успокоилась. Когда Грушницкий открыл рот, чтобы поблагодарить ее, она была уже далеко. Через минуту она вышла из галереи с матерью и франтом, но, проходя мимо Грушницкого, приняла вид такой чинный и важный — даже не обернулась, даже не заметила его страстного взгляда, которым он долго ее провожал, пока, спустившись с горы, она не скрылась за липками бульвара... Но вот ее шляпка мелькнула через улицу; она вбежала в ворота одного из лучших домов Пятигорска. За нею прошла княгиня и у ворот раскланялась с Раевичем.

Только тогда бедный страстный юнкер заметил мое присутствие.

— Ты видел? — сказал он, крепко пожимая мне руку, — это просто ангел!

— Отчего? — спросил я с видом чистейшего простодушия.

— Разве ты не видал?

— Нет, видел: она подняла твой стакан. Если б был тут сторож, то он сделал бы то же самое, и еще поспешнее, надеясь получить на водку. Впрочем, очень понятно, что ей стало тебя жалко: ты сделал такую ужасную гримасу, когда ступил на простреленную ногу...

Рассмотрите иллюстрации к приаеденному отрывку и ответьте на следующие вопросы:

- 1. Почему сразу несколько художников обратилось к иллюстрации этого эпизода?**
- 2. Чем отличаются между собой иллюстрации?**
- 3. На какие детали обращают внимание художники?**
- 4. Какая иллюстрация представляется вам более точной?**

Учебное издание

Зверева Татьяна Вячеславовна

Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Рабочая тетрадь

Авторская редакция

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б д., каб. 021
Тел.: +7 (3412) 916-364. E-mail: editorial@udsu.ru